

Доктор Рита МакАлистер
редактор ранней версии оперы

Путешествия с оперой: «Война и мир» Прокофьева

Моё знакомство с музыкой Сергея Прокофьева началось в 1966 году, когда пришло время выбрать предмет исследования в докторантуре Кембриджского университета. Я хотела заниматься оперой XX века. Не сразу остановилась на Прокофьеве: о его оркестровых произведениях у меня были смутные представления, фортепианную музыку я считала потрясающей, но несколько неудобной в исполнении, а об операх ровным счетом ничего не знала. Вскоре выяснилось, что я не одинока: за исключением марша и скерцо из «Любви к трем апельсинам» оперный репертуар Прокофьева был совсем неизвестен и, естественно, не изучен в Западной Европе.

На протяжении всей своей жизни Прокофьев был пленен этим жанром: он написал оперное произведение «Великан» в возрасте девяти лет, и за две недели до смерти он все еще пытался найти идеальную середину для грандиозной арии Кутузова в «Войне и мире».

К счастью, все рукописи ранних опер были в Лондоне, большинство в собственности издательства Boosey and Hawkes. Мне весьма повезло, удалось получить доступ к этим и еще другим личным бумагам композитора, так что я привыкала читать его нотный почерк (очень аккуратный и отчетливый) и его уникальные стенографические записки. Но многие рукописные материалы (все оперы советского периода, дополнительные наброски и черновики к «Игроку» и «Огненному ангелу») были в московских архивохранилищах, все авторитетные специалисты по Прокофьеву тоже жили в Москве.

Мое пребывание в Москве оказалось полезным. Я близко познакомилась с Линой Прокофьевой, его первой женой, и эта дружба продолжилась, когда она в середине семидесятых приехала жить в Лондон. Пересмотрела столько клавиров и записей, сколько было возможно, провела много часов в Ленинской библиотеке.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства я получила для ознакомления более 700 рукописных страниц оперы «Война и мир», в музее им. Гинки отыскиались другие материалы, благодаря которым появилась возможность восстановить историю создания оперы в ее нескольких редакциях.

На протяжении многих лет, до смерти Прокофьева в 1953 году, он создал, по меньшей мере, еще три варианта оперы, но он так и не дождался постановки на сцене оперы целиком.

В 1969 году я закончила учебу в Москве, но мои отношения с Россией и русской музыкой не оборвались. Идея реконструкции первой версии «Войны и мира» обсуждалась мной с дирижером Тимоти Дином несколько лет, но – чисто гипотетически; лишь недавно появилась возможность реализовать эту идею. Для меня это означало возвращение в архивы Москвы.

Восстановление нотного текста было не очень трудным. Клавир в карандаше, написан с уверенностью; где-то есть пометы для оркестровки, они также ясны и понятны, хотя в оригинальной версии их очень мало, так как он не намеревался оркестровать то, что потом будет забраковано.

Что пугало по-настоящему – это оркестровка. Не каждый день оркеструешь оригинального Прокофьева! Понадобилось несколько недель, чтобы убедить саму себя, что я именно тот человек, который должен это делать, и что я смогу это сделать. Стиснув зубы, я начала. Всего было около 450 кусков, которые нужно было оркестровать, необходимо было сделать также большое количество связок. «Нитки» для них я старалась брать из партитуры последней редакции, опираясь на принципы оркестровки близких по характеру тем. Стремилась проникнуть в тематическую структуру музыки, имея в виду пристрастие Прокофьева к репризам и остинато. Я знала его любовь к скрипкам, фаготам и тубам, засурдиненным трубам и приглушенным валторнам, к низким аккордам, знала, что его использование ударных неожиданно ограничено, так же как и использование тутти. Что выстраивая оркестровые кульминации, он бы наложил пласты фактуры, возможно, комбинируя одно, два и более остинато. По подобной модели решена, в частности, сцена атаки партизан на отступающую французскую армию в последней картине, которая была полностью переписана в процессе редактуры. Интересно, что в своей оригинальной версии этот эпизод не просто мимолетно напоминает Скерцо в «Любви к трем апельсинам».

Без сомнения, благодаря этой работе, я узнала о композиторе больше, чем откуда-нибудь еще, хотя все эти годы я изучала его музыку. Его ранние работы были, безусловно, более диссонантны, ритмы более напористы, гармонии менее предсказуемы, и молодой композитор больше торопился – но Прокофьев смолodu был верен себе и своему ремеслу.

Стоит ли реконструировать и исполнять эту первую редакцию оперы? Безусловно, стоит. И не только потому, что Прокофьев высоко ее ценил, и уж вовсе не потому, что эта реконструкция содержит всю лучшую музыку, написанную для «Войны и мира». Но она заслуживает того, чтобы быть открытой слушателю как оригинальная партитура, независимо от сравнительных суждений о ее музыкальной ценности.

Оперу много раз ставили по всему миру, и в стольких версиях, сколько было режиссеров. Доступность первой версии, по крайней мере, дает возможность режиссерам и дирижерам расширить область осознанного выбора.

Для меня большая привилегия быть частью этой реставрации и суметь оказать Прокофьеву маленький знак восхищения и благодарности, за то, какую роль он сыграл в моей жизни.

Рита МакАллистер

Октябрь 2009